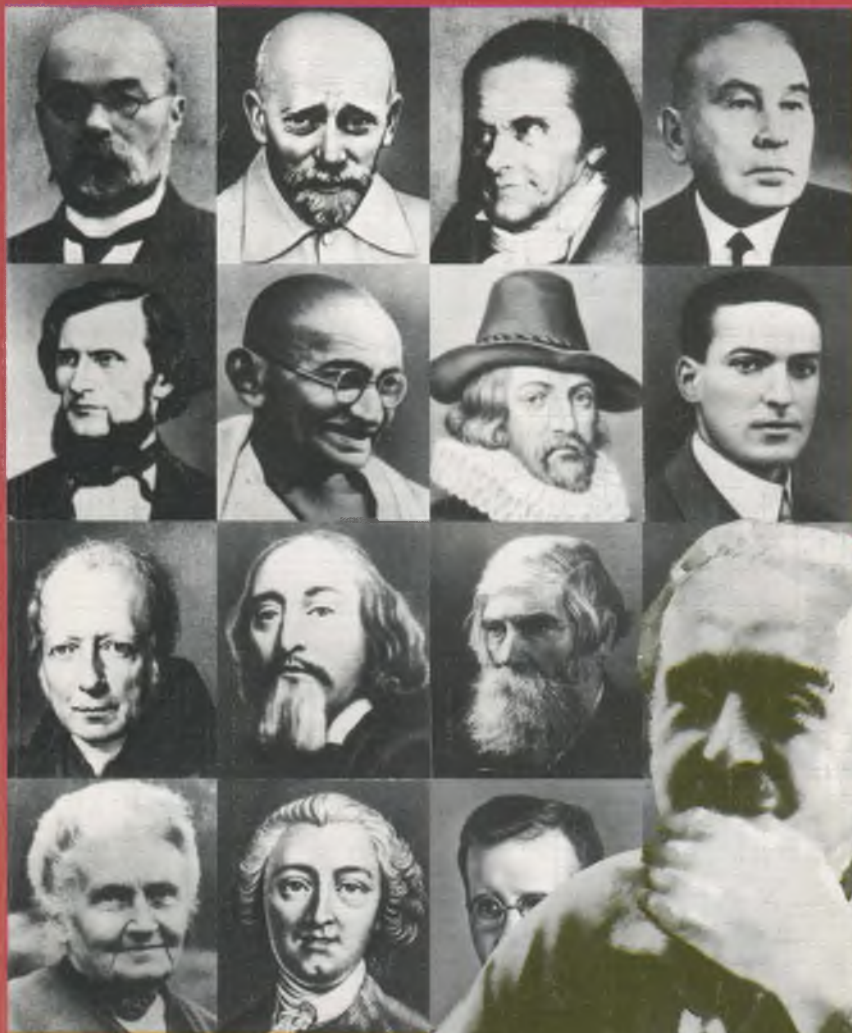

37(091)

A 72

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

ФРЕНЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА И ПОДРОСТКА

В Кризис французской молодежной культуры, как следствие общего национального кризиса, вызванного, в частности, войной в Алжире, в центре внимания этой работы Френе. Со слова «кризис» она и началась.

Возможно, мы когда-нибудь будем считать, что настоящий момент знаменует собой перелом в кризисной ситуации, сложившейся вокруг французской молодежи.

Из газет и кинофильмов мы и раньше узнавали о чудовищных преступлениях, которые совершали, поодиночке или группами, дети и подростки в Америке. Но Франция не Аме-

рика, думалось нам. Наши прочные семейные и общественные устои смогут противостоять наплыву безнравственности и преступности.

Потом нам рассказали об асоциальном поведении молодежных групп в Дании («Андерумпер») и в Швеции («Скунна фольке»). Вот это уже понять трудно: молодые люди из привилегированных слоев общества, не испытывавшие ни нищеты, ни ужасов войны, которым, казалось бы, нечего требовать, беснуются на улицах, подобно дикарям.

Группа «Тедди бойз» в Англии, «Токио иску» в Японии, «Хальбштаркен» в ФРГ, «Цоцис» в Северной Африке, «Нозем» в Голландии. «Вителлони» в Италии — этот ужас молодежной агрессии распространяется по миру, как эпидемия.

Во Франции всегда были свои банды и свои преступники, но представлялось, что молодежь наша надежно защищена от этой заразы.

Отныне и у нас появились свои «черноблужники». Все чаще население узнает тревожные вести. В пригороде Парижа разыгрывается настоящее сражение между двумя молодежными группировками, которые ограбили кафе и издевались над посетителями.

Журналисты, которым нечем заполнить страницы своих изданий, поднимают вокруг этого газетную шумиху, не задумываясь о последствиях. Некоторые из них доходят даже до подкупа враж-

группировок, чтобы иметь возможность сфотографировать и заснять на кинолентку настоящее побоище. Выступает префект полиции и заявляет, что на сегодня в столице в различных группировках состоят десять тысяч юношей и подростков. За ними следит полиция, которая восстановит порядок и будет его поддерживать. Однако поскольку причины возникновения таких группировок остаются, то проблему силовыми методами не решить.

В Бандоле (департамент Вар) группа подростков напала на отдыхающих на пляже людей. Пришлось энергично вмешаться полиции (и даже применить оружие), чтобы освободить отдыхающих и арестовать нескольких хулиганов. «Черноблужники» обнаружались в Лионе, где они избили до смерти трех итальянцев, в Канне, где они провели настоящее сражение с полицией.

Опасность все возрастает.

Говорят, что вожаков таких групп стоило бы иногда сажать в тюрьму. Возможно. Но подобные молодежные движения не возникают самопроизвольно. Дурные примеры и вожаки были всегда. Во все времена некоторые признаки более или менее явного неблагополучия в молодежной среде отражали классический конфликт поколений. Но когда происходят беспорядки, подобные описанным, — а список их, увы, можно продолжить, — тогда напрашивается вывод: что-то разладилось в социальном механизме.

В *Как всегда в таких случаях, нашлись охотники искать виновных кризиса в семье, в школе, в воспитании, в ослаблении традиций. Френе должен был проанализировать ситуацию и вышеозначенные причины, чтобы найти лекарство.*

Следует немедленно начать с этим бороться, в противном случае нас ждет гибель.

Нельзя просто закрывать глаза на опасность, говоря, что молодость проходит, а сила остается за законом. Необходимо срочно вскрыть причины этой социальной болезни: только тогда можно найти лекарства для ее излечения.

Именно этому мы и посвятим нашу книгу.

АВТОРИТЕТ

Вот первый аргумент, который приходит на ум обеспокоенным людям:

— Это неудивительно! Сегодняшние дети делают все, что им вздумается. Они больше не признают авторитета старших. В наше время мы не смели послушаться отца.

И это абсолютно верно. Но почему сегодня дети делают все, что им вздумается? Почему они больше не признают авторитета взрослых? Почему они не слушаются родителей?

Чтобы пользоваться у детей авторитетом, не следует орать на них или, тем более, прибегать к рукоприкладству. Требуется нечто другое.

СЛИШКОМ МНОГО ФАМИЛЬЯРНОСТИ

Может быть, нынешние дети не признают авторитета взрослых потому, что те стали общаться с ними как с равными?

Эта идея появилась не случайно: ведь прежде отношения в семье были совершенно иными. В начале нашего века на детей смотрели, в сущности, как на ручных зверьков, не приспособленных к самостоятельной жизни, а следовательно, нуждавшихся в просмотре и руководстве. Но, опекая их, следовало соблюдать дистанцию, чтобы не уронить родительский авторитет. Пятьдесят лет тому назад мы не говорили «ты» своему отцу, мы не смели разговаривать при взрослых за столом. В некоторых отдаленных деревнях Франции и сейчас женщины и дети по традиции беспрекословно повинуются отцу семейства, как некогда вассалы повиновались своему сеньору.

Однако почему эти отношения так изменились? Только ли родители в этом виноваты? И достаточно ли научить их пользоваться родительской властью, чтобы восстановить прежние порядки?

ОСЛАБЛЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ УЗ

То, что случилось с семьей в начале XX в., напоминает перемену в отношениях между сеньорами и вассалами, происшедшую в средние века.

Вассалы подчинялись своему господину, пока он находился рядом. Тут действовал не столько страх, сколько сам факт присутствия сеньора. Он умел выслушивать жалобы, разбирать тяжбы, примирять враждующих и т.д.

Но вот сеньор отправляется в крестовый поход. Те, кто его замещают, не имеют ни реальной власти, ни авторитета, горожане и крестьяне не находятся больше под недремлющим оком своего господина. Они поднимают восстание, и по возвращении сеньор обнаруживает, что теперь он вынужден общаться на равных с теми, кто еще недавно беспрекословно подчинялся ему.

Именно это произошло в семье во время первой мировой войны 1914—1918 гг., и с тех пор положение постоянно ухудшается.

Почти все отцы семейств были мобилизованы, а дома, в мастерских и на полях остались женщины, плохо подготовленные к роли главы семьи, выбивающиеся из сил, страдающие душевно и физически.

Силой обстоятельств старшие дети стали как бы замещать отцов. Преждевременно повзрослевшие и гордые доверенной им ролью мужчин, они иногда путали свободу со своеволием.

По мере того как нужды войны становились все более неотложными, подростки очень рано шли на заводы и в мастерские, часто работая бок о бок со своими матерями, мобилизованными для работы на производстве. Семья распадалась. Дом пустел. Он оживал только тогда, когда все собирались за столом. Так появилась новая социальная структура.

После войны уже невозможно было вернуться к прежней семейной дисциплине, основанной на принуждении. Усталые и павшие духом солдаты, нередко искалеченные на войне, в общем-то, примирились с той новой ситуацией, которую застали по возвращении. Отныне они общались с женами и детьми на равных и уже не пытались вернуть себе главенствующее положение в семье: времена изменились.

Вторая мировая война также оказала пагубное влияние на молодежь. Глядя на то, как орудуют дельцы черного рынка и прочие оборотистые ловкачи, молодые люди окончательно теряли традиционные нравственные ориентиры, определявшие в прошлом их поведение.

Женский труд получил широкое распространение, что повлекло за собой увеличение числа разводов и случаев раздельного проживания супругов. А первыми жертвами такого рода процессов обычно становятся дети. В большинстве французских семей (50—80%) отец и мать работают на производстве. Поэтому ребенок должен утром уходить в школу одновременно с родителями, спешащими на работу. Поскольку днем дома никого нет, школьникам приходится питаться в столовых.

Вторую половину дня они проводят в классах, а потом, собравшись в безликие толпы, бродят по улицам, ожидая возвращения раздраженных и измотанных родителей, которым уже не под силу заниматься воспитанием детей, оказывать им должное внимание. Дети не находят больше в семье моральной поддержки, того теплого домашнего очага, в котором они, осознанно или подсознательно, ощущают жизненную необходимость.

Конечно, иногда отец пытается показать свою власть, но этот акт чисто формальный, поскольку отцовская «власть» не соответствует его истинному положению в семье. Такие попытки вызывают у ребенка только сопротивление и гнев.

Ребенок, выйдя из дому, оказывается беззащитен перед поджидающими его на каждом шагу опасностями. Он легко может попасть под влияние дурной компании. Воистину люди должны рождаться добрыми, чтобы подобная подготовка к жизни не обернулась катастрофой.

Я, конечно, знаю, что в реальной жизни не все семьи подверглись полной деградации. Во французской деревне положение не столь трагично. Как ни странно, за это мы должны благодарить окружающую природу. Ведь у деревенских детей есть сады, поля и реки, рыбы, кролики и куры... А у городских часто нет ничего, кроме ласковой бабушки, у которой они могут спрятаться, и... улицы.

РАЗРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

В начале века как в городе, так и в деревне человек жил словно в большой семье, много требовавшей от него, но и многое прощавшей. Понемногу, особенно под воздействием интенсивной индустриализации, эта семья деформировалась до такой степени, что ребенок стал в ней лишним.

В промышленных городах выросли однотипные здания, слишком тесные, шумные, без пристроек, без палисадников, здания, в которых люди — и дети особенно — чувствуют себя потерянными.

Вокруг игровых и музыкальных автоматов, электробильярдных, на переполненных улицах, во внутренних двориках — всюду толпятся ребятишки, не разъехавшиеся на каникулы... Да и что можно возразить тому мальчугану, который, спеша проглотить свой суп, заявляет взрослым: «Пойду погуляю!» Приказать ему слоняться в тесной квартире, которую младший брат оглашает пронзительными воплями?

Теперь же и улица закрыта для детей и молодежи, она принадлежит исключительно автомобилям, а деревня слишком далеко. Следует еще напомнить о шуме — этой язве нашей цивилизации.

А как относятся к детям взрослые? Прошли времена, когда взрослые всегда были готовы прийти им на помощь, когда они интересовались жизнью своего квартала и всеми его ребятишками, которых они считали в какой-то степени своими детьми, и всегда были к ним снисходительны. Отныне в силу различных причин ребенок считается врагом.

Вот материалы прессы.

«Все на тебя смотрят подозрительно. — Пепер говорит тихо, словно разговаривая сам с собой. — Ты всегда виноват, всегда. Если бы ты был прилично одет, как прохвост с Елисейских полей, они бы к тебе не приставали. Но у тебя длинные волосы, ты не носишь галстука, у тебя нет машины, и, когда тебя избивают и ты возвращаешься с помятыми ребрами, твои родители сносят это молча и не подают в суд».

«Молодежь не может отдохнуть как следует... Нельзя же каждый вечер ходить в кино. А на улице чуть что — люди поднимают крик, и сразу же появляются полицейские... А ведь нам некуда больше деться».

Немалая доля ответственности за всеобщий упадок и обезличенность падает на кино, где молодые люди видят роскошную жизнь, к которой они инстинктивно тянутся, как бы компенсируя киноиллюзиями свою неудовлетворенность реальной жизнью.

Это не ведет ни к чему хорошему, так как отвлекает юных зрителей от активного участия в решении насущных проблем и погружает их в опасный мир несбыточных желаний. К тому же содержание некоторых фильмов, предлагаемых сбитой с толку толпе, делает кинематограф особенно вредным. Нельзя забывать и о спорте, с его духом соперничества, с культом насилия и жестокости. А война, которую мы ведем уже много лет*, завершает моральное разложение нашей молодежи.

Драки всегда были свойственны подросткам и юношам. Сейчас они стали яростнее, чем когда-либо: убийство из автомата, удар кулаком, сбивающий человека с ног, садизм, потоки крови. Впрочем, разве не то же самое видим мы в газетах и иллюстрированных книгах для юношества? Воспитателей в последнее время особенно ужасает то, что подобную жестокость проявляют не только подростки, но и совсем маленькие дети. Одна четырехлетняя девочка с восхищением говорила о шестилетнем «киногерое» Жан-Поле, который «убил десять негров из двух карабинов. Он сбросил их в реку... Здорово он умеет убивать!»

«Вы в своих газетах говорите, что мы хулиганы. Но подождите лет пять. Те, кому сейчас 13 или 14 лет, еще хуже, чем мы. Мы рядом с ними просто желторотые птенцы. Вот увидите!»

А ШКОЛА?!

Казалось бы, школа должна быть тем убежищем, которое помогает фактически заброшенным детям сохранить или восстановить душевное равновесие, необходимое для того, чтобы не испытывать страха перед жизнью.

Но школа работает так же, как в начале века. Она сохранила прежние методы, содержание и сам дух обучения, не пытаясь приспособиться к тем радикальным изменениям, краткий обзор которых мы только что дали. Разглагольствования на темы морали, занятия по французскому языку, математике и естественным наукам — все ведется так традиционно и невозмутимо, словно за сорок лет ничего не произошло, словно не было ни войн, ни концлагерей, ни ссылок, ни пыток, словно нет перенаселенных городов, где жизнь не имеет ничего общего с той, что была когда-то, в старые добрые времена.

* Имеется в виду колониальная война Франции против национально-освободительного движения в Алжире (1954—1962 гг.).

Более того, современная ситуация в школе все время ухудшается, оттого что преподавательский состав чудовищно перегружен. В прежние счастливые времена у учителя в классе сидело 20—25 учеников, и независимо от применяемых им методов обучения он сохранял личный контакт с каждым ребенком. Школа была в какой-то мере подобием домашнего очага. Ученики дружили между собой и предавались довольно мирным играм.

Перегрузив классы, школу разрушили вслед за разрушением семьи. Ребенок стал всего лишь «учащейся единицей» среди сорока или пятидесяти таких же, как он, в многофункциональной казарме на 800—1000 учеников.

Ребенок одинок. Его острое одиночество усугубляется еще и тем, что разросшаяся школа, не перестроившись, не может теперь удовлетворять его индивидуальные нужды. Ему навязывают знания, реального применения которым в жизни он не видит; он получает задания, смысла которых не понимает. Школа работает как устаревший механизм, который когда-то, возможно, выполнял свое назначение, но отстал от всего того, что в силу различных обстоятельств занимает важное место в жизни современного школьника.

Школа не только не помогает ребенку справиться с возникающими у него трудностями, но даже усугубляет их. Добавим, что за исключением 10% учителей, благородных и инициативных, никто не интересуется тем, чем могут заняться дети, деревенские и городские, в перерывах между уроками, в выходные дни и в каникулы.

А потом мы удивляемся, узнав однажды, что многие дети сбились с пути истинного и что некоторые из них, потеряв нравственные ориентиры, бредут наугад, нарушая общепризнанные нормы морали поодиночке или бандами. И тогда против них бросают вооруженную полицию <...>

ПОПЫТКИ ОБНОВИТЬ МЕТОДЫ ВОСПИТАНИЯ И ПРИСПОСОБИТЬ ИХ К ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Теоретики могут бесстрастно изучать нарушения в воспитательном процессе, явившиеся следствием интенсивной эволюции общественных структур. Но родители и воспитатели не могут сидеть сложа руки, дожидаясь, пока им укажут, что надо делать. Ведь они ежедневно сталкиваются с реальной жизнью, и она ставит перед ними вопросы, требующие немедленного ответа.

Вот уже 20 или 30 лет мы живем в мире, где основные нравственные законы потеряли силу, где царит всеобщее смятение. Каждый пытается найти свой выход из создавшегося положения, и эти попытки, как правило, оказываются безуспешными.

во многих отношениях наше общество похоже на разлаженный механизм, который нам не удается привести в порядок. Иногда по чистой случайности все идет гладко, но большую часть времени шестеренки, вращающиеся абсолютно произвольно, лишь мешают друг другу. Механизм заклинивает, детали изнашиваются и ломаются.

Нам следует наладить этот механизм любой ценой. Это вопрос жизни и смерти. Мы пытаемся это сделать.

ВОЗМОЖЕН ЛИ ВОЗВРАТ К АВТОРИТЕТУ?

Это простое и наивное решение сразу приходит на ум. Неудивительно! Ведь в каждом из нас скрыта атавистическая жажда тирании. Раз мы страдаем от отсутствия авторитета и дисциплины, надо вернуть этот авторитет.

Тут же слышится хор голосов:

— Надо только приказывать со всей твердостью и не допускать ни малейшего непослушания!

— Хорошенько отшлепать его, и он будет вас слушаться, не сомневайтесь!

— Он упрямится — лишите его обеда и отправьте в темную комнату!

— Если он опять ослушался, привяжите его к ножке стола, как собачонку!

Похоже, что школа следует этим советам: она по-прежнему пытается использовать те меры воздействия, благодаря которым ей до недавних пор удавалось сохранять свою власть. Школьника ставят в угол, лишают перемены или отдыха после занятий, заставляют в порядке наказания переписывать тексты или спрятать глаголы, на него надевают ослиный колпак, ему ставят двойки.

Но странное дело: все эти испытанные средства сегодня, как оказалось, не приносят никакого результата. Вы хорошенько отшлепали ребенка, но ничего не добились.

— У моего сына просто начинается истерика, и его приходится успокаивать.

— Он нам говорит, что сделает что-нибудь ужасное, а ведь знаете, среди детей есть случаи самоубийства.

— Наш ребенок кажется послушным, но что толку? Ведь мы видим, как он сопротивляется и как ненавидит нас, когда мы заставляем его подчиняться.

— Мы так часто читали ему нотации, пугали и наказывали его! Тем самым мы как бы привили ему иммунитет к нашим воспитательным мерам. Он ко всему равнодушен. Дома это еще не так заметно. Но в школе он решительно не желает ничего делать. Это как неизлечимая болезнь.

Налицо педагогические неудачи, и родители хорошо понимают это. Они находятся в тупике, и им обязательно нужно найти выход из создавшегося положения.

ЭФФЕКТИВНО ЛИ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОощРЕНИЕ?

— Я иногда даю своему сыну пощечину, — говорит мать. — Но сразу же начинаю чувствовать угрызение совести, а кроме того, у меня сердце разрывается от его криков. Я даю ему 20 франков на жевательную резинку, и мы миримся. Я подозреваю, что иногда он нарочно плохо себя ведет, чтобы вывести меня из терпения, а потом получить эти 20 франков в качестве компенсации за наказание. Но что же мне делать?

— Я со своим десятилетним сыном заключил настоящий договор, как подрядчик с рабочим, чтобы заставить его учиться. На каждую отметку установлена расценка: *отлично* — 20 франков, *хорошо* — 10 франков. Так как он хочет иметь как можно больше денег, он стал одним из лучших учеников. Не знаю, может, он даже плутует, чтобы получить побольше. Очевидно, это обратная сторона медали.

— Я обещал своему сыну велосипед, если он успешно сдаст экзамены. И он неплохо учился в этом году. Разумеется, он сделал это в корыстных целях, но я в самом деле не знаю, как бы я мог иным способом добиться от него таких результатов... А ведь, в конце концов, только они важны, не так ли?

— Неужели вы думаете, — заявляет нам учитель, — что наши дети будут трудиться на уроках без постоянной приманки в виде вознаграждения или оплаты? Ведь это единственные подлинные источники активности в учебе!

В нашей школе с ее моралью мелких лавочников дети — и учителя вместе с ними — ведут строгий учет наказаний, с одной стороны, и с другой — хороших и отличных отметок.

Нет, не царит еще там святой закон труда!

ЕСЛИ БЫ ТРУД БЫЛ ИНТЕРЕСНЫМ

— И все-таки, — замечает мать, — мой сын бывает сообразительным и трудолюбивым, но только не в школе. Если что-то интересует его дома, он занимается этим очень увлеченно. Попросите его разобрать мотор или починить велосипед — он готов возиться часами...

Похоже, что он навсегда пресытился школьным трудом.

Да школа и не очень-то старается сделать труд интересным. Можно ли всерьез думать, что наших детей увлекут те уроки и задания, которыми в свое время мучили нас?

— Сделать школьную учебу интересной — вот лейтмотив современной педагогики, — объясняет учитель. — Взгляните на школьные учебники с великолепными иллюстрациями. Они же ничем не хуже детских книжек с картинками!

— Но, — возразим мы, — эта пестрая безвкусица нужна только для того, чтобы заставить проглотить все ту же горькую пилюлю...

— Однако, — добавит учитель, — в нашем распоряжении есть новые средства: прогулки, экскурсии, радио, слайды, кино, а теперь еще и телевидение...

Но все это не меняет сути дела. Дети обожают смотреть кино и телевизор, но именно по этой причине они все меньше любят обычные школьные занятия.

Ведь внешняя занимательность ничего, в сущности, не меняет в характере самого преподавания. Это всего лишь оболочка, которую разукрасили, чтобы произвести на детей впечатление. Но иллюзия длится недолго. Когда в один прекрасный день ребенок поймет это, он будет глубоко разочарован. Его нужно заинтересовать самим содержанием предмета обучения.

В Думаю, что насчет отрицания занимательности не прав Френе.

Нет, занимательность обучения не может считаться верным решением проблемы. Мы должны идти дальше и глубже. В перестройке нуждается вся педагогика.

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ИГРА РАЗВИТИЮ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ?

— Он ничего не хочет делать в школе, — жалуются родители. — Говорят, что он вялый и апатичный, и все ему безразлично. Но видели бы вы, с каким увлечением, с какой выдумкой и страстью он играет! Это просто другой ребенок! Почему же нет ничего похожего, когда он делает уроки?!

Все это замечают не только родители. Школа также прекрасно знает, что в игре дети делаются активными. Правда, долгое время на это смотрели неодобрительно. Считалось, что игра и труд — враги.

Современная же педагогика стремится извлечь из игры какую-то пользу. Придуманы игры, обучающие чтению, письму и счету, школьные соревнования по истории, географии и естественным наукам, музыкальные и «рисовальные» игры. Есть игры на внимание, на воображение и ловкость. Когда же появятся игры, обучающие есть и дышать?

Учебные комнаты детских садов набиты так называемыми «обучающими играми». Огромное количество игрушек окружает ребен-

ка дома, от них ломятся витрины магазинов. Индустрия игрушки
на сегодняшний день одна из самых процветающих во Франции.

«Детские игры — покой родителей». И учителей, добавим мы от себя.

Сегодня психологи и педагоги всеми силами стараются доказать, что, и ребенку, и взрослому свойственно играть, что игра является одним из основных, необходимых видов человеческой деятельности. А если так, то не зря на игру тратятся основные средства в поисках эффективной системы обучения и воспитания. Кроме того, современные формы организации труда оставляют людям массу свободного времени, которое они не умеют заполнить ничем, кроме игры. Таким образом, казалось бы, можно считать, что у нас в руках — радикальное средство для решения всех воспитательных проблем, для преодоления кризиса в молодежной среде.

Но критический анализ ситуации показывает, что это не так. Безграничная популярность игр только усугубляет всеобщее неблагополучие.

Дело в том, что игра вовсе не готовит детей к жизни. Она сжигает тот избыток энергии, которому традиционная педагогика не может найти разумного применения. Только в редких случаях игра может подготавливать детей к жизни, даже если она формирует какие-то способности или развивает определенные навыки. Игра отвлекает от реальной жизни; она заставляет принимать за жизнь то, что является лишь ее бледной копией, и поэтому искажает представление об основных вопросах бытия.

Педагогика игры стремится разделить жизнь и поведение человека на две зоны. Первая — зона серьезных дел, творчества и созидания — включает в себя большинство обычных практических действий, прежде всего, все виды труда, а также связанные с ним многочисленные и зачастую тяжелые обязанности человека. Вторая зона помогает людям расслабиться и отдохнуть, снять напряжение. Это зона развлечений и игр.

Подобное разделение жизни на две противоположные зоны, одна из которых требует усилий, жертв и страданий, а другая полна радостного возбуждения и наслаждений, ведет к росту неблагоприятных тенденций. В свете таких представлений совершенно естественно стремление «среднего» человека избегать работы и трудностей ради наслаждений. И в конечном итоге именно тут вся драма нашего времени. Этим объясняется, почему ребенок вял и апатичен в школе, не желает брать на себя никаких обязанностей и почему он оживает в зоне игр и развлечений. Когда же человек минует переходный возраст, такая тенденция становится необратимой. Поэтому при воспитании детей уже с самого раннего возраста следует применять методы педагогики труда, которая способна вернуть людям смысл жизни, раскрывая ее истинные ценности.

Нужно ему объяснить, говорят нам, нужно, чтобы он понял, почувствовал необходимость труда, знаний и культуры; мы должны наставить его на верный путь.

Я пытаюсь; и порой мне кажется, что моя страстная речь убеждает его. Тогда я говорю себе: «Наконец-то твои старания увенчались успехом». Но как только он снова оказывается на перепутье, он всегда выбирает самую легкую дорогу.

Мораль! Мораль! Нам самим слишком часто читали мораль, и похоже, что наступило пресыщение. Современная молодежь не желает больше слушать наши нравоучения. «Болтовня! Вранье!» — говорят они.

Мы слышим: «Все потому, что люди перестали верить в Бога. Послушание начиналось когда-то со страха перед дьяволом. Но сегодня все знают, что дьявола не существует, и угрозы больше не действуют». На деле, однако, дети, воспитанные в религиозном духе, ведут себя ничуть не лучше всех остальных.

Другое дело, если бы дети с самого юного возраста могли впитать в себя глубинные, а не внешние требования религиозной жизни. Но такое воспитание предполагает личный контакт с самыми самоотверженными, набожными, великодушными и добрыми людьми. А где те праведники, которые могли бы сегодня воспитать высоконравственную молодежь, помогая ей выбраться из бездны порока?

Здесь необходима вера, та, которая двигает горы. Но где ее найти?

В начале века было время, когда воспитатели верили в науку и прогресс. Сами родители считали, что образование играет ключевую роль в воспитательном процессе. «Обучая ребенка, мы выигрываем битву за человека», — писал в свое время Виктор Гюго. Увы! Войны, репрессии, ссылки, пытки, гонка вооружений, а теперь еще атомные бомбы — все это печальное доказательство того, что наука сама по себе не может спасти человечество. Сегодня нужны другие средства.

Мы не собираемся оправдывать ни преступников, ни хулиганов, ни двоечников, ни учеников, предпочитающих болтовню работе. Но чем в наше время можно вдохновить молодых людей? Какую цель поставить перед ними? Смогут ли они найти путеводную нить на тех тропах, куда мы стремимся их направить, и имеем ли мы право осуждать их, если они пойдут по ложному пути?

В *«Школа работает, как устаревший механизм», тогда как «общество похоже на разлаженный механизм. Один механизм нам надо наладить, а другой модернизировать. Конечно, «рецепты старинной кухни» — авторитет, наказания, муштра, нравоучение — Селестен Френе не приемлет. Как, впрочем, и материальное поощрение, развлекательные и даже дидактические игры.*

Мы не можем предложить им ничего, кроме школы (не отвечающей больше запросам общества), суровых экзаменов, бесцельного труда, а в будущем их ждет эксплуатация и война.

Взвесим же всю нашу ответственность за молодежь и попытаемся найти практические решения.

ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ: ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Чтобы выйти из кризиса, необходимо осознать, что отношения между детьми и взрослыми должны строиться на основе труда, и постараться изменить в соответствии с этим наше поведение.

Вопреки широко распространенному мнению, стремление к праздности, игре не свойственны человеку органически. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на поведение ничем еще не испорченного ребенка. Самое страшное наказание для него — неподвижность, а самое любимое занятие — посильная для него работа, приносящая видимые результаты.

Развести костер, приготовить какое-то блюдо, накрыть на стол и подавать еду, править лошадьми или ездить на велосипеде — вот извечно любимые занятия детей. И только потому, что родители, желающие покоя, считают эти занятия опасными, дорогостоящими или утомительными для себя, детям предлагаются суррогаты в форме игр: кукольная посуда, металлические лошадки или миниатюрные автомобильчики.

Как бы парадоксально это ни звучало, но ребенок, не испорченный игрой или корыстью, играет только тогда, когда ему не дают трудиться. Если бы нам удалось вовлечь в трудовую деятельность детей всех возрастов как в школе, так и в семье, мы бы одновременно нашли оптимальные условия для восстановления равновесия в душе человека и в обществе.

Конечно, решить эту задачу будет трудно, так же трудно, как перестроить экономику какой-либо страны. В обоих случаях прежде всего следует обнаружить те богатства, которые можно использовать, те возможности, которые надо реализовать. Именно это мы попытались сделать, подвергнув критическому разбору характер устаревшей и уже обреченной системы воспитания.

Но даже если наше доказательство вполне убедительно, а права не вызывает сомнений, нам еще предстоит преодолеть сопротивление множества людей, крепко связанных со старой системой и отказывающихся менять весь строй своей жизни. Мы также столкнемся с людьми, материально заинтересованными в сохранении нынешних порядков и не желающими терять свои привилегии.

Мы знаем, что нашему *трудовому воспитанию* придется считаться:

- с разнообразными администраторами, которые будут возражать против перепланировки и переоборудования учебных помещений под мастерские;

- с коммерсантами, которые постараются избежать обесценивания своих учебных пособий и игрушечных инструментов, бесполезных в нашей Новой школе;

- с родителями, устающими на работе, жаждущими покоя и готовыми ради этого пичкать своих детей успокоительными таблетками, не задумываясь о последствиях;

- с самими воспитателями, которые, обучившись и привыкнув к старым методам, не будут спешить перейти на новую методику трудового воспитания.

Здесь понадобятся отвага и решительность тех первопроходцев, которые своим практическим примером докажут возможность полного обновления всей педагогической системы.

Наша программа предусматривает:

- реорганизацию жизни и воспитания детей в семье на основе труда;

- реорганизацию трудовой деятельности детей в школе;

- реорганизацию жизни и трудовой деятельности детей на то время, когда они предоставлены сами себе, т.е. в отсутствие родителей и воспитателей.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ НА ОСНОВЕ ТРУДА

«Детям — забава, родителям — покой» — так говорит пословица.

Но покой родителей и воспитание детей редко идут рука об руку. Если вы хотите покоя, не заводите детей.

Если у вас нервный ребенок, вы можете просто дать ему несколько успокоительных таблеток, не заботясь об их возможном (и вполне определенном) влиянии на его дальнейшее поведение и жизнь. И все-таки, чтобы избавиться от повышенной нервозности ребенка, лучше попытаться определить ее причины.

Во-первых, заботьтесь о здоровье ваших детей. Во-вторых, старайтесь как можно чаще давать им посильную работу. Вспомните, что вы любили делать, когда были ребенком. Старайтесь не давать своим детям мелкие и скучные поручения: сходи принеси мне кофе, заготовь дрова, последи за младшим братом. Такая малоинтересная работа не понравится им. Вы как будто освобождаете себя от этих скучных дел, чтобы самому заняться работой интересной, творческой, созидательной. Не забывайте, что, преследуя таким образом свои эгоистические интересы, вы разочаруете ребенка и внушите ему отвращение к труду. Напротив, не колеблясь берите на себя

второстепенные обязанности, чтобы дать ребенку почувствовать удовлетворение от важной работы.

Маленький пятилетний мальчик, конечно, не сможет сразу самостоятельно сервировать стол — это для него слишком трудное и долгое занятие. Приготовьте ему тарелки, дайте ложки и вилки, чтобы ему осталось только разложить их. И если он что-то сделает не так, не упрекайте его в неумелости, а просто поправьте, и так, чтобы он не заметил этого, чтобы можно было сказать ему: «Смотри, как хорошо!»

С ранних лет ребенок может убирать постель и подметать пол, конечно же, с вашей доброжелательной помощью. Сначала вам будет трудно отказаться от каких-то укоренившихся привычек. Но помните, что вы не должны повторять в семье ошибок школы: там детям дают домашнее задание, а затем, проверив его выполнение, наказывают нерадивых. Такими методами можно навсегда отучить ребенка от труда. Ваши дети непременно должны понимать смысл той работы, которую вы поручаете им. С другой стороны, нельзя постоянно помогать ребенку в работе — это покажется ему нечестной игрой.

Поручайте вашим детям с малых лет ответственную, но сильную работу: один пусть присматривает за огнем, убирает со стола, другие подметают лестницу, кормят кошку или ухаживают за цветами.

Не забывайте, однако, что формы труда изменились и что дети в наше время больше интересуются работой различных механизмов, чем уходом за деревьями и цветами. Сегодня у каждого современного отца семейства имеется набор разных инструментов — где-нибудь в уголке мастерской. Детям тоже нужно дать возможность устроить свою мастерскую. Если для этого нет отдельной комнаты, то подойдет любой уголок: на чердаке, в коридоре, в подвале. Ваши мальчики четырех-пяти лет будут счастливы и горды тем, что они могут строить свои домики, а девочки — тем, что им позволяют шить и кроить.

Наконец, не забывайте, что все дети увлекаются рисованием. Особенно они любят рисунки на свободную тему, но с удовольствием рисуют и по заданию, если только поддерживать их энтузиазм.

Как известно, в царстве игрушек настоящие инструменты редки. Необходимо ориентировать неистощимую находчивость изобретателей и производителей игрушек на разработку «всамделишных» инструментов, специально предназначенных для детей: нужны простые устройства, защищающие пальцы ребенка от удара молотка, приспособления, которые сделают безопасной работу с настоящей пилой, напильниками, стамесками, электроприборами и т.д.

В этой области самое главное еще только предстоит изобрести. В настоящее время на производство бесполезных игрушек затрачиваются огромные суммы. А ведь их можно использовать и другим образом, предоставив в распоряжение детей наборы настоящих инструментов, которые и будут для них первой ступенью овладения культурой.

Следует также отказаться от такого обывательского представления: «Достаточно, что меня самого заставляли работать, когда я был маленьким, пусть мой сын играет и отдыхает, как дети из обеспеченных семей. Мы получаем пособия на детей, а потому вполне можем позволить себе не вовлекать их слишком рано в домашний труд».

Родители-труженики воспитывают своих детей как маленьких буржуа не только в городе, но и в деревне. Прошло то время, когда в начале века нас привлекали к участию в труде с первых лет жизни: мы должны были следить за курами, пасти коз, поливать сад, возить навоз на поля, собирать яблоки и груши, приносить воду. Разве что по воскресеньям выпадали свободные часы для игр.

Возможно, иногда нас и перегружали, давая совсем не детскую работу. Случалось, что нашим трудом и злоупотребляли. Но мы, по крайней мере, были вовлечены в жизнь родителей и всей деревни. Мы знали, когда рождаются ягнята, когда созревает хлеб, когда выводить на пастбище скот. Мы все время находились рядом с родителями и постоянно ощущали связь с окружающей природой.

Сегодняшние же дети совершенно не знают, чем живут их родители. Они ведут себя так, словно они посторонние в своей деревне или в городском квартале, словно их родители — чужие им люди. Поэтому с раннего детства они лишаются тех важных нравственных устоев, необходимость которых люди начинают сейчас заново осознавать.

— Их дело — игра! — говорят нам.

О да, можно только удивляться осведомленности детей во всем, что касается кино или иллюстрированных журналов. Они назовут вам все марки автомобилей и все спортивные рекорды. Но они совершенно не знают труда, словно они обитают в другом мире. И это мы, взрослые, спокойно позволили им оторваться от того мира, в котором живем сами.

NB По-моему, сам автор здесь в отличие от более ранних своих работ меньше верит в убедительность своих решений. Поэтому и оговорка: нельзя «вновь узаконивать эксплуатацию детей».

Все последствия этих ошибок мы можем оценить, наблюдая детские дома отдыха или летние лагеря, где дети ничего не желают и не умеют делать, словно им суждено в будущем стать принцами-белоручками.

Мы должны осуществить подлинную революцию, возвращающую нас к мак-

символическому участию детей в деятельности семьи, школы и даже общества. Но действовать нужно осторожно, гуманно, поскольку нельзя, конечно, вновь узаконивать эксплуатацию детей. Эта революция нужна отнюдь не для того, чтобы извлекать выгоду из детского труда. Задача состоит в том, чтобы по-новому готовить детей к жизни.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ В ШКОЛЕ

Мы могли бы привести большое количество примеров, показывающих, как практически организовать школьное трудовое воспитание. Ведь богатый опыт современной трудовой школы в течение уже тридцати лет широко используется во многих французских и иностранных школах.

Прежде всего следует разобраться в том, что современные педагоги понимают под словом «труд». Обычные задания в современных традиционных школах недостойны называться этим прекрасным словом. Ведь это не более чем схоластические занятия. Люди, изобретшие их, думали не о детях, а исключительно о взрослых, об их инструкциях, программах и учебниках. Только в крайне редких случаях ребенок понимает цель таких занятий. Следовательно, у него нет никаких оснований стремиться к труду; труд является для него лишь обязанностью, долгом, но не удовлетворением естественной человеческой потребности в продуктивной созидательной деятельности.

Мы постоянно слышим: надо учиться, надо делать уроки, старательно выполнять все задания, чтобы сдать экзамены и «завоевать себе место под солнцем».

Раньше эти аргументы были достаточно вескими, и сила их, несомненно, была одной из причин эффективности школьного обучения в начале века. Но что бы ни утверждала школа, дети и родители сегодня понимают, что времена изменились. Хорошие результаты на экзаменах сами по себе необязательно обеспечивают успех в жизни. Некоторые люди, провалившиеся на экзаменах, занимают, однако, привилегированное положение в обществе и зарабатывают много денег. И это — за счет тех качеств и способностей, к которым школа относилась пренебрежительно, которые она не обнаруживала и не формировала и которые сохранились лишь благодаря своеволию нерадивого ученика, восставшего против установленных порядков.

Надо сказать, сами родители в меньшей степени, чем учителя, находятся в плену иллюзий. Родители видят, что школа — изолированный от общества, плохо отлаженный механизм, чья продукция часто оказывается бесполезной в повседневной жизни. И неудиви-

...школьных работников может результативно действовать в этой замкнутой системе, а большинство учеников отворачиваются от школьного труда, чтобы найти путь к необходимой самореализации в чем-то другом.

В самом деле, число социально-неадаптированных школьников только возрастает. Но особенно настораживает то, что среди этих детей крайне мало таких, кто действительно отстает в интеллектуальном развитии. Подавляющее большинство из них вполне могли бы быть нормальными учениками, но по нашей вине они совершенно потеряли интерес к школьной жизни и отказываются от любой работы (своего рода итальянская забастовка), а это вызывает оправданное беспокойство их родителей. Эти дети не принимают школьной культуры, общество же не может предложить им ничего другого. На них не действует ни одно из тех средств, о которых мы говорили раньше. Уже не приносят результатов ни поощрения, ни наказания: мы слишком часто прибегали к ним, но только измучили детей и сломили их волю. Мы словно наполнили до краев сосуд и, сколько бы ни старались, не сможем влить туда больше ни капли. Если же мы хотим вылечить наших измученных детей, необходимо осуществить операцию, не менее тонкую и сложную, чем переливание крови.

Может быть, решение проблемы — в занимательности обучения? Но школьники, охотно принимая развлекательную форму уроков, глухи к их сути. Дети разглядывают картинки в учебниках, с упоением смотрят фильмы и телепрограммы, но не воспринимают самого существа содержания. Все это напоминает поведение мышей, которые съедают предлагаемую вами приманку, оставляя нетронутой крупичку яда — тонкое чутье подсказывает им, где опасность.

Игра? Похоже, это единственное, что может увлечь детей. Они отдают игре всю свою жизненную энергию. Но и здесь, воспринимая только игровую сторону, они игнорируют то содержание, которым вы стремились ее наполнить. Дети, которым школа привила отвращение к труду, стремятся всю жизнь превратить в игру. И это заставляет опасаться различных нарушений в их психике и социальном поведении.

Ваши нравоучения вызывают у них скептическую улыбку. Вернее, они их воспринимают разумом и даже сердцем, так как души их нередко чище, чем вы предполагаете, но жизнь, подчиненная игре, в итоге заставляет их поступать совершенно иначе, чем они собирались вначале.

Итак, учащиеся в безвыходном положении. И вы, родители и воспитатели, тоже в тупике. Наши дети не чувствуют тяги к труду, они не имеют никаких обязанностей. Игры и детские журналы погружают их в мир иллюзий. Постоянно думая лишь о развлечениях,

они охотно занимаются любой ерундой — только бы уйти от реальности. Совершенно очевидно, что ни к чему хорошему такой образ жизни не приведет.

Единственное, что еще может спасти наших детей, — это *труд*. Но не опоздайте! К переходному возрасту ребенок, можно считать, уже сформировался. Нужно вовремя указать ему верную дорогу, и только тогда можно на что-то надеяться <...>

Но не пытайтесь заставлять детей делать то, что кажется интересным вам, а для них будет всего лишь скучной обязанностью. Нужно выбрать увлекательные виды труда, доступные детям, полезные и эффективные. Для одного ребенка это будет забота о кроликах или уход за садом, для другого — коллекционирование насекомых или минералов; детей можно увлечь историей, естественными науками, поэзией, пением, театром, рисованием.

При этом необходимо, чтобы каждый ребенок видел реальные результаты своего труда, которыми он сможет гордиться в среде сверстников. Так дети, занимаясь каждый своим делом, становятся Мастерами.

Воспитатели и родители должны с восхищением относиться к созидательному труду детей. Они не должны подходить к их работе со своими мерками и своими требованиями. Пусть они смотрят на эту работу, как мать глядит на свое дитя, считая его самым прекрасным на свете. Главное — направляя ребенка по правильному пути, не лишая его энтузиазма и энергии. Остальное, как говорится, приложится.

С доверием относиться к практической деятельности и свободному самовыражению каждого ребенка вовсе не означает отвергать дисциплину и методику. Мы просто хотим сделать их более эффективными. И в этом нам поможет хорошо организованный труд. Составление свободных текстов, работа в школьной типографии, издание газеты — все это приобщает ребенка к настоящему труду, похожему на труд взрослых.

Сначала, до 5—6 лет, ребенок работает, говорит и рисует только для себя. Но довольно скоро он начинает ощущать потребность в общении. Так происходит социализация его сознания и поведения. Необходимо предоставить ему соответствующие возможности.

Если он что-то пишет, то для того, чтобы прочли другие; ведь точно так же поступают и взрослые. В противном случае он ничего писать не будет, если только его не заставят, унизив таким образом его человеческое достоинство. Школьная типография — прекрасное средство для социализации: буква за буквой, и детский текст становится напечатанной страницей газеты. А газета выйдет за пределы школы, ее может прочитать любой человек.

Так распахиваются двери и окна школы, становящейся частью огромного общественного организма, как дорога, по которой едут

автомобили, как магазин, где покупают необходимые продукты, как средства массовой информации, которые сообщают нам международные новости.

Деятельность такого рода предполагает, во-первых, создание совершенно новых структур — рабочих бригад, во-вторых, перестройку мышления воспитателей. Воплотить эти требования в жизнь нам помогают *рабочие планы*, стоящие в центре педагогической системы современной трудовой школы.

В Обсудив на нескольких последующих страницах ставшие уже традиционными аспекты своей педагогической технологии, автор предлагает нам важное концептуальное положение, не представленное в явной форме в других местах его трудов. Мне эта мысль предоставляется чрезвычайно важной, особенно для активных последователей педагога-уче-ного.

Планирование является связующим звеном между трудовой активностью детей, их потребностью трудиться, с одной стороны, и школьными программами и учебными планами — с другой. Как и во взрослом коллективе, мы будем по возможности распределять задания в соответствии со склонностями детей. Все как в жизни. Если нужно стричь деревья, возводить стену или готовить обед, мы не будем — как это было принято и в школе, и в армии — «из вредности» заставлять каменщика возиться на кухне, а повара — карабкаться на дерево. Главное — добиться от всей

группы максимальной эффективности работы на пользу обществу. Необходимое разделение труда предполагает, таким образом, известную специализацию, которая при отсутствии эксплуатации не ведет к ограниченности или отуплению ребенка.

Наши дети не научатся, конечно, делать все. Да и кто может похвастаться разносторонностью в наше время? Но они, полюбив труд, будут постоянно стремиться к самосовершенствованию. Управлять этим процессом, направлять его — обязанность воспитателя.

* * *

Во всех областях школьной жизни мы постепенно осуществляем решительные перемены. Не следует забывать, что успех складывается на основе непосредственного опыта и практического труда. Установить в школе такой порядок, при котором ученики охотно трудятся, приобретая опыт, — вот та задача, к решению которой мы должны приложить максимум усилий.

Игра, как мы уже говорили, — это не более чем эрзац труда. Ребенок играет только тогда, когда у него нет возможности трудиться. То же самое можно сказать о бесплодных теоретических умствованиях и пустых рассуждениях, обо всей этой болтовне, оторванной от реальной жизни. Дети болтают только тогда, когда они не могут заняться полезной и интересной работой.

Школа на всех ступенях должна стать огромной мастерской, где дети получают возможность познавать окружающий мир и трудиться с пользой для общества.

К настоящему моменту мы завершили разработку соответствующей методики для школ первой ступени. Эта методика уже применяется во многих школах Франции, Италии, Швейцарии, Люксембурга, Бельгии, Голландии, ФРГ, Аргентины, Уругвая, Мексики, Кубы. Наша методика предусматривает использование:

- школьной типографии для издания газет, оборудования для печатания линогравюр; магнитофонов для обучения письменной и устной речи;

- взаимных поездок для обмена опытом;

- брошюр серии «Библиотека труда», школьной картотеки для сбора информации по историко-географической тематике;

- препаратов и инструментов для проведения научных опытов;

- пособий для приобретения навыков счета;

- картин, керамики, пластинок и фильмов, необходимых для детского художественного творчества.

Использование в школах методов трудового воспитания предполагает постепенное переоборудование школьных помещений под мастерские. На это не потребуется привлечения больших средств. Затраты возрастут лишь в связи с увеличением педагогического персонала, необходимым, чтобы уменьшить наполняемость классов. Ни один учитель, какова бы ни была его методика, не может нормально работать, когда в помещении, рассчитанном на 25—30 человек, находятся 40 учеников.

Нелегко будет подготовить преподавателей к новой роли руководителей мастерских. Необходимо также заставить администрацию признать, что школа не может работать по нормам, повсеместно принятым в промышленности и в торговле; что нельзя заставлять всех учеников выполнять одинаковую работу, пустую и бесполезную; что уже на этом уровне должно существовать разделение труда, необходимое для создания полезного общественного продукта.

Учителям и администраторам следует осознать, что непосредственное присутствие учителя в классе, как и капрала в казарме, только тогда необходимо, когда нужно заставить людей выполнять бессмысленное и неинтересное дело. Гораздо эффективнее сотрудничество, когда дети работают сознательно, самостоятельно и ответственно.

Многие школы нашего направления на практике доказывают преимущества такого подхода. Наши гости всегда удивляются тому, как охотно и в то же время ответственно работают наши ученики. Они чувствуют себя подлинными хозяевами школы. Они ведут здесь

нормальную человеческую жизнь: обсуждают серьезные, «взрослые» вопросы, обмениваются информацией, спорят. Так дети входят в мир современной цивилизации.

Даже внешне наша школа существенно отличается от обычной. Учителю не нужно постоянно вмешиваться, чтобы заставлять детей трудиться или призывать их к порядку. После учебных занятий наши дети, поодиночке или группами, уходят, чтобы продолжить свою работу <...>

Если ребенок может заниматься посильной работой, ясно видя ее цель и имея нужные инструменты, он забывает об игре. Становится очевидным, что игра — не более чем эрзац, который блекнет перед лицом настоящего труда.

Учителя и родители удивляются, замечая, что дети отныне трудятся так же самозабвенно, как раньше играли, что они приходят в школу задолго до начала занятий, с сожалением покидают ее в конце учебного дня и продолжают неоконченную работу, вернувшись домой.

Трудовое воспитание, таким образом, порождает новую атмосферу. В результате учитель получает возможность смело экспериментировать, чего он был лишен в традиционной школе <...>

Разумеется, не всегда все идет гладко. Но заметим, что беспорядок всегда создают дети, недостаточно включенные в общую атмосферу коллективного труда. Случаются, конечно, и такие дни, когда работа не клеится. Что-то сломалось, и ребенок раздосадован; одно неловкое движение — и весь труд идет насмарку... Но ведь и взрослые не избавлены от неудач. Это, однако, ничуть не умаляет достоинств живого и полезного производительного труда.

* * *

Школа, работающая по нашим методикам, — уже не просто учебное заведение; она органично включается в жизнь общества.

Еще недавно школа и общество взрослых выступали как два самостоятельных института. Они руководствовались столь разными нормами жизни и работы, что были практически изолированы друг от друга. И хотя минимальные возможности для контакта все же существовали, никто не спешил ими воспользоваться.

В противоположность этому наша школа тесно связана с социальной средой, активно участвует в жизни деревни или городского квартала. В результате дети оказываются готовыми к тому, чтобы стать полноправными членами общества. Только таким путем возможно восстановить в обществе гармонию и равновесие.

В школе Сермано (Корсика), как и во многих других французских школах, есть магнитофон, на который учитель записывает еще сохранившийся в этих местах фольклор. Иногда в школу приходит

заказ от R.T.F.*. Тогда дети собирают своих родителей, занятых на полевых работах, и записывают их всю ночь, чтобы утром отправить по почте магнитофонную ленту. Через несколько дней они слышат свою запись по радио.

Мы могли бы продолжить список примеров. Все они доказывают, что родилась школа нового типа, главный принцип которой общественно полезный труд. Такие школы можно уже сейчас открывать во всех деревнях, а потом и в городах.

Нужно заметить, что, создавая методику трудового воспитания, мы совершенно не считали своей целью внедрить техническое обучение, которое фактически отсутствует в начальной школе. Тем не менее мы создали систему предварительного технического обучения:

- мы прививаем ребенку такое важнейшее для каждой личности качество, как любовь к труду;

- мы развиваем в детях сноровку, остроту глаза, любознательность и тягу к практической деятельности — неперенные условия прогресса;

- мы обнаруживаем и культивируем общественно полезные склонности детей, подготавливая их таким образом к производственному труду.

Речь идет не о том, чтобы, как настойчиво предлагал Кершенштейнер** <...> наряду с обычной школой, со всеми ее недостатками и пороками создавать более или менее хорошо оборудованные мастерские ручного труда. Мы пересматриваем само понятие воспитания, предлагаем его новые принципы и эффективные методы. Нет сомнения, что если предлагаемая нами педагогическая революция совершится, то возникнет совершенно новое понимание жизни, зародится новая личная, социальная и общечеловеческая культура, дети и подростки найдут выход из тупика.

Все это может произойти уже сейчас. Чем большее количество школ будет переходить на нашу методику, тем большее влияние успешные эксперименты будут оказывать на всю систему воспитания. Так будут созданы условия для формирования нового человека.

Но что делать с подростками, давно оставившими начальную школу и уже до некоторой степени испорченными традиционным воспитанием? <...>

То, что мы сделали в начальной школе, можно ввести и развить на всех других ступенях образования. Если принципы и методы

* R.T.F. — Французское объединение радиовещания и телевидения.

** Георг Кершенштейнер (1854—1932) — немецкий педагог. Большое внимание уделял разработке принципов и методов трудового обучения в народной школе.

трудового воспитания правильны, соответствуют требованиям жизни, значит, они применимы везде. Нельзя допустить, чтобы, дав на первой ступени прекрасные результаты, трудовое воспитание уступило потом место бесполезной игре или личной корысти.

К несчастью, все сложности, с которыми приходится сталкиваться в начальной школе, усугубляются, когда мы начинаем приобщать детей к труду позже.

Еще можно, как мы говорили, увлечь трудом детей младшего школьного возраста. Но если к 12 годам ребенок не приучен любить труд, если воспитание подчинено главным образом игре и соблазнам корысти, перевоспитать его будет трудно. Быть может, в половине случаев мы будем терпеть сокрушительные поражения. Любой врач скажет вам, что на начальном этапе развития болезни излечить ее гораздо легче. Если же болезнь запущена, лечить ее труднее и гарантий успеха меньше. Но это не значит, что нужно смириться с болезнями и неудачами. Ведь лекарство известно. Поэтому мы обязаны применить его, создавая новые условия труда и одновременно перестраивая сознание родителей и воспитателей.

ДИСЦИПЛИНА ТРУДА РОЖДАЕТСЯ В КООПЕРАТИВЕ

Хотим мы этого или нет, но драматические события последних лет придают особую важность дисциплине. Трудовое же воспитание само несет в себе действенную дисциплину. Некоторые ее аспекты рассматриваются в этой главе.

Как бы сильно мы ни тосковали по прошедшим временам, необходимо признать, что сегодня даже с детьми нельзя обращаться с позиций формальной власти, основанной исключительно на принуждении. Не имея выбора, дети терпят такую власть, но не более охотно, чем мы терпим существование полиции и армии. Но дети, несомненно, считают такую власть преградой на пути своего личностного становления и стараются бороться с ней всеми доступными способами: хитростью, ложью, лицемерием, жестокостью. Нельзя сказать, чтобы такая форма власти способствовала правильному воспитанию подрастающего поколения.

Мы не ратуем за анархию и отнюдь не считаем, будто при определенных условиях общественной жизни люди могут делать все, что им заблагорассудится. Но какую бы тактику мы ни избрали: неограниченную свободу, сознательную дисциплину, сотрудничество, бригадный метод, «суды» для разбора проступков, — все эти методы будут мертвы без *трудового воспитания*.

Пока между взрослыми и детьми существуют ненормальные отношения, пока одни безраздельно господствуют, а другие должны подчиняться, можно добиться тишины и внешнего порядка, но не подлинно действенной дисциплины.

Когда мы нормализуем обстановку, в которой живет ребенок, когда мы разумно организуем его жизнь и определим цели, тогда мы сможем приступить к решению вопроса о дисциплине. А так как дисциплина не должна быть основана на принуждении, единственной ее основой может стать кооперативная деятельность. Но для нас кооператив не просто новое название. Мы не ограничиваемся тем, что призываем детей организоваться, составить план работы и назначить ответственных. Суть в том, что им предоставляется возможность трудиться. А настоящий труд всегда предполагает объединение усилий, распределение заданий, благоприятные условия для сотрудничества, высокое качество инструментов, порядок, чистоту, заинтересованность всей группы в конечном результате. Все это мы и называем *кооперацией*.

В традиционной школе все орудия труда и методы работы рассчитаны на индивидуальный труд, над которым властвует незыблемый авторитет учителя. Поэтому традиционные уроки труда не имеют ничего общего со школьной кооперацией.

Мы начинаем с того, что предоставляем детям возможность работать так, как работают взрослые. Это означает, что индивидуальный труд по принуждению мы заменяем кооперацией с применением коллективных орудий труда. Так, если школа получает типографское оборудование, его следует передать в ведение школьного кооператива.

С самого начала знакомства с трудовой деятельностью дети хотят работать, как взрослые: издавать газету, распространять ее, ставить опыты и делать доклады. Для этого нам нужны разнообразные материалы. И необходимо, собравшись всем вместе, договориться о новых условиях работы.

Нам предстоит выбор: либо мы принимаем педагогику кооперативного труда и предоставляем школе все средства, необходимые для организации такого труда (в этом случае забота о дисциплине ложится на самих школьников), либо же мы будем придерживаться старой педагогики, и тогда дисциплина будет основываться на принуждении, что явится социальным анахронизмом, даже под прикрытием названия «кооперация».

Конечно, надо иметь в виду, что не все дети идеальны. В нашем кооперативе наверняка найдутся ребята, не обладающие достаточным чувством собственного достоинства, найдутся и саботажники, и воры. Но школьный кооператив справится с ними лучше, чем это сделали бы взрослые.

Разумеется, учитель остается влиятельным и авторитетным членом кооператива. Но он не должен выступать как *deus ex machina**.

Deus ex machina (лат.) — «бог из машины» (в античной трагедии развязка часто наступала благодаря вмешательству божества, появлявшегося на сцене с помощью механического приспособления).

Отказ от этой роли, конечно, потребует от него постепенной переподготовки. Ему не следует думать, будто, применяя власть, приносящая и наказывая, он легко сможет разрешить те проблемы, которые оказались не под силу кооперативу <...>

ТРУД ДЕТЕЙ ВНЕ НАДЗОРА УЧИТЕЛЕЙ И РОДИТЕЛЕЙ

В начале века еще не стояла, по крайней мере, с такой остротой, проблема участия взрослых во внешкольной жизни детей. После окончания занятий в школе ребенок никогда не был предоставлен самому себе. Если дверь его дома была заперта, он шел трудиться вместе со своими родителями или ждал их у соседей.

В выходные дни дети были заняты на полевых работах или в мастерских наравне со взрослыми. В то время дети не слонялись по улицам без дела. Они пасли скот, поливали сад или собирали падалицу. Единственное исключение составляли учительские дети, которым, как правило, работать не приходилось; и эта «привилегия» не шла им на пользу.

Времена изменились. В наши дни по причинам, на которые мы уже указывали, после школьных занятий ребенок почти всегда оказывается предоставленным самому себе. Дома никого нет, дверь заперта. Остается одно — дожидаться родителей на улице. Такую же картину нередко можно наблюдать и в те дни, когда занятий в школе нет.

Ситуация настолько серьезна, что нужно безотлагательно искать средства ее исправления.

Чем же заняты дети все эти долгие часы? Они делают, что придется. Все зависит от того, в каких условиях они живут. Если есть где играть, они играют. Но что окружает их в эти часы? Вокруг них уже нет деревьев, кустарников, речек, животных. Сегодняшних детей и подростков манят весьма опасные занятия: они гоняют на велосипедах и мотоциклах, затевают драки. Дети любят в высшей степени вредные, на наш взгляд, развлечения: кино, радио, телевидение.

Поскольку им остро необходимы дружеские контакты, они, не вынося одиночества, при случайных встречах «сбиваются» в группы. Такое объединение нередко приводит к плачевным результатам: создаются банды, совершаются правонарушения...

Подобное положение дел таит в себе много опасностей для детей доподросткового возраста. Для тех, кто постарше, оно может обернуться трагедией: ведь никто не заботится о лишенных человеческого общения и отвергнутых школой подростках, которых

уже в этом возрасте привлекают бары, спиртное, воровство и проституция.

Многих удивляет их дурное поведение. Но скорее следует удивляться тому, что так ведут себя не все подростки. Кому-то все же удастся ощупью найти верный путь в опасном лабиринте губительных искушений. По-видимому, человеческая природа лучше, чем принято о ней думать.

Другой причиной обострения ситуации оказались недавно принятые законы (которые сами по себе, может быть, не так уж плохи)*. До принятия этих законов значительное число 14-летних подростков поступали на работу или шли в ученики к мастерам. В то время рабочий день был длинным, и, когда молодые работники возвращались домой, измученные и усталые, у них не было ни сил, ни желания бесцельно бродить по улицам. Только дети буржуа могли позволить себе роскошь безделья. Сегодня же плохая организация школьного и профессионального образования на всех ступенях оставляет подросткам массу свободного времени, которое они не умеют проводить с пользой.

Неблагоприятные жилищные условия, квартиры с плохой звукоизоляцией еще более усложняют ситуацию. Никто не обращает внимания на то, что обстановка, в которой живет ребенок, постоянно ухудшается; никто не ищет выхода из сложившегося положения. Вместе с тем нельзя уповать и на вмешательство полиции, потому что обращение к властям — не выход.

Решением обсуждаемой проблемы занимались многие самоотверженные люди. Студенты, журналисты, священники пытались найти контакт с бандами и организованными группами подростков не только для изучения их поведения, но главным образом, чтобы по-человечески понять их, лучше узнать подлинные причины кризиса.

И все пришли к единому мнению: эти дети, эти молодые люди оказались в таком положении в результате полной заброшенности и полного непонимания смысла и целей своей жизни.

В качестве решения проблемы предлагают, даже на официальном уровне, создавать клубы. Но чем дети будут там заниматься? Единственным, что считается правильным с педагогической точки зрения, — они будут играть и заниматься спортом, слушать радио и смотреть телевизор. Об опасности и бесполезности такого времяпровождения мы уже говорили. И лишь в редких случаях отдельные педагоги сумеют предложить детям личный контакт, от отсутствия которого они так страдают.

* Речь идет о принятых французским парламентом в 50-х годах законах, запрещающих использование наемного труда молодежи до 16 лет.

Мы же утверждаем, что единственное правильное решение — *трудовое воспитание*.

Конечно, речь здесь идет не о том, чтобы устраивать облавы и отправлять в трудовые лагеря всех подростков, которые попадут в руки полиции. Так же как и детям в школе первой ступени, подросткам нужно предложить настоящую, осмысленную и посильную для них работу, которая поможет вернуть им веру в себя и обрести потерянное чувство собственного достоинства.

Правда, может случиться, что эти подростки не будут излечены полностью. Ведь в семье и школе им долго внушали отвращение к труду. Без каких-либо практических действий нам будет трудно доказать им, что они способны превозмочь свою неудовлетворенность жизнью. Но понемногу, начиная с самых азов, мы сможем помочь им.

Как мы представляем себе трудовое воспитание подростков?

Ускоренное обучение по методике *новой трудовой школы* должно подготовить почву. Рекомендуются планомерно организовывать в деревнях и городских кварталах новые клубы, которые будут в состоянии принять после уроков или в выходные дни большое число детей и подростков.

Эти клубы уделят известное внимание и спорту, занятие которым стало так популярно. Но, конечно, прежде всего это будут мастерские для занятия практическим трудом. Их не следует превращать в начальные профессиональные училища, но они должны привлечь подростков к одухотворенному труду, раскрыв им цель и смысл жизни.

Для этого необходимо предоставить широкий выбор всевозможных видов работы, чтобы каждый мог найти то, что ему по душе: живопись и рисование, гончарное искусство, фото- и кинодело, сборка радиоприемников, издание газет и полиграфия, естественные науки, столярное ремесло, кройка и шитье и т.д. Если какие-то клубы будут размещаться не в специально построенных зданиях, там следует оборудовать помещения для разнообразных занятий. По возможности устроить актовый зал для спектаклей, кукольных представлений, киносансов.

Клубный персонал будет наполовину состоять из учителей (вместо того чтобы вести вечерние занятия в школе, они будут отрабатывать в клубе дополнительно оплаченные часы) и наполовину — из ремесленников и рабочих.

* * *

В начале нашего века мелкая буржуазия и интеллигенция на некоторое время загорелись идеей *народных университетов*. Но эта затея ставила во главу угла только развитие интеллекта. В отличие от этого система воспитания, предлагаемая нами, будет основана

на практическом труде. Вот почему наше начинание должно встретить одобрение и поддержку всех людей вне зависимости от их политических взглядов, небезразличных к будущему нации.

У нас нет чудодейственных лекарств, чтобы сразу излечить болезнь, симптомы которой ясно проявляются в поведении молодого поколения. Но все же средства для ее излечения у нас есть, пусть даже они не дают немедленного эффекта. Нужно понять сущность предлагаемых средств, чтобы, основываясь на этом понимании, перестраивать всю систему народного образования.